

Елизавета Трубникова

ПРОЛЕТАЯ НАД ПЛАНЕТАРИЕМ

Елизавета Трубникова

Пролетая над планетарием

«Издательские решения»

Трубникова Е.

Пролетая над планетарием / Е. Трубникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854638-9

«ПРОЛЕТАЯ НАД ПЛАНЕТАРИЕМ» — мистическая и философская книга, поднимающая вопросы, которые волнуют каждого. Множество тайн уводит в глубины драматической личности главной героини. Тёмный мир зеркалоидов, существующий наравне с современной реальностью, переплетается с фантаσμαгорией и сатирой на будни заурядных людей. Борьба добра со злом, смерти и бессмертия, отчаяния и веры — разворачивается в душе и выходит за её пределы, оказываясь за гранью. История любви, способной одолеть страх и смерть.

ISBN 978-5-44-854638-9

© Трубникова Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Я выбрала первый путь. А потом второй	7
Петля	8
Иллюзия	12
Трещина	15
Принятие перемен	18
У всего своя жизнь	20
Ничего личного	22
Жаба и её болото	24
Прошлое закончилось	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Пролетая над планетарием

Елизавета Трубникова

*Посвящается моим родителям, которые – за гранью.
И моему любимому мужу, который рядом всегда.*

Иллюстратор Павел Морозов

© Елизавета Трубникова, 2019

© Павел Морозов, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4485-4638-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ночь стояла ветреная. Листья жались к асфальту. Пахло затхлостью. Из арки слышалось слабое чавканье.

– Кто здесь? – Высокий мужчина от неожиданности пригнулся. – Что... что вы делаете?

Он не успел договорить, как в темноте, прямо перед его носом, блеснул осколок то ли стекла, то ли зеркала.

– Чего вы от меня хотите? – От страха он весь вжался в воротник плаща. Напрасно он вглядывался в лицо монстра, приставившего к его горлу холодное острие. Лица не было.

Из страшного месива, которое было у нападавшего вместо головы, на мужчину мерзко вылуплялись по очереди – его же собственные глаза. Зрелище было до того жутким и безобразным, что несчастный обмочился. Неудивительно. Собственное лицо с ненавистью взидало на него же, из темноты безлюдного закоулка. Его черты словно пытались вырваться наружу из бочки со смолой.

Совершенной неожиданностью прозвучал странный звук, похожий на рычание. Оно доносилось из всех углов арки. Заставляя сходить с ума. В какой-то момент рычание перешло в булькающие горловые звуки. Крайне неприятные. Из месива, в котором плавала точная копия лица несчастного, вынырнула неожиданно рука. Она вцепилась в горло.

Наутро он уже был привязан ремнями к больничной койке. После того, как жители двора обнаружили его в арке. Почти без сознания. С окровавленным ртом. Трудно вообразить ужас врачей, извлекавших зеркальные осколки изо рта обезумевшего мужчины, не помнящего кто он и что стряслось этой ночью.

– Что бы это могло быть? – Тётя Таня, жительница двора, была всерьёз озадачена странным, страшным происшествием.

– Да кто ж их, психов-то этих разберёт! – Звучали предположения соседей.

Ветер стих. Полусгнившие листья облепили большой острый осколок зеркала. Тётя Таня завернула его аккуратно в пакет, и отнесла на мусорку – от греха подальше.

А то как бы чего не вышло.

Я выбрала первый путь. А потом второй

«Думаю, мне суждено было написать это. Или погибнуть. Одно из двух».

Сейчас, когда я пишу эти строки, мне 37 лет.

Когда было 24 – умерла мама.

А в 29 всё рухнуло в одночасье. Внезапно начались панические атаки. Я не знала что делать. Не понимала, что происходит. Откуда это взялось.

Пока мы с отцом пытались разобраться в происходящем, его здоровье вдруг резко ухудшилось. Через месяц его не стало. Я страшно любила отца. Мы всегда шли одной дорогой. А теперь неожиданно осталась совершенно одна. Лишилась главной опоры в жизни.

Ни работы, ни средств к существованию. Растущие долги и отчаяние. Только стены и я. И жуткие приступы паники. Каждый день. Это начисто лишило веры в себя. Надежды на нормальную привычную жизнь. Мне было только 29 лет. Но я больше не была такой как все. Не имела ничего общего с остальными людьми.

Мир превратился во враждебное, незнакомое место. А вся жизнь свелась к ежедневной борьбе с паникой. Попыткам сохранить остатки душевного равновесия.

Я была словно маленький беззащитный ребёнок, который потерялся на вокзале в чужом городе. Так начался мой путь.

Случается, что боль открывает дорогу. Когда совсем темно. И больше нет возможности жить, как раньше. Тогда остаётся только два пути. В бездну. Или к самому себе. Приходится выбрать куда идти. И идти. Третьего не дано.

Я выбрала первый путь. А потом второй.

Петля

Это был один из тех ужасных дней, когда я вынужденно жила одна. Целых два года. Родителей не стало. Мне только исполнилось тридцать. Я была полностью предоставлена самой себе. Жизнь без близких стала невыносимой пыткой.

Утром я с ужасом просыпалась. Переживая очередной приступ тревоги. Эти приступы стали случаться ежедневно. После того, как однажды рано утром, из соседней комнаты, позвонил отец. У него не было сил дойти до меня. Он просил вызвать скорую. Вот так сквозь сон я поняла, что отец умирает. И навсегда уносится вдаль тот поезд, который снится в тревожных снах. Где я вечно теперь буду опаздывать на перон.

А долгие вечера превращались в бессонные ночи. Вечером на меня неизменно налетало беспричинное беспокойство. Но для всего в жизни есть своя причина. В один из снежных зимних вечеров, я держала за руку маму. Скорая мчала нас по ледяной дороге. В больничный комплекс. Через две недели она умерла. Моё сердце превратилось в ледник. С тех самых пор, вечера стали синонимом беспокойства.

Были потеряны сразу – утро и вечер. В каждом дне. Никто не мог помочь. Знакомые наперебой твердили, что только сама я в состоянии изменить это. И ещё, что нужно поверить в свои силы. Вот только сил не было.

Советы не помогали. За словами просто не было ничего. Никакого смысла. Пустота.

На случайной работе, я молча смотрела в окно. Не проявляя никакого энтузиазма. В состоянии отрешённости и заторможенности от принимаемых «лекарств», выписанных неврологом. На столе лежал раскрытый журнал. С должниками. Их надо было донимать звонками. С напоминаниями об оплате.

Вывеска на дверях нашего офиса гласила:

Тренинговый бизнес-центр

«СИЯНИЕ»

Сияйте вместе с нами!

Контора небольшая. Но полная экскриментов. В смысле нравственных выделений некоторых членов коллектива и начальства. Я бы никогда не пришла работать сюда. Если бы не пустой холодильник. И такой же желудок.

На моё счастье, была там одна очень понятливая коллега. Она сама недавно потеряла отца. Девушкой была впечатлительной. С добрым сердцем. Звали её Надеждой. Высокая. Суточная. Приятная брюнетка. С лицом, похожим на луну. И душой ребёнка.

В тот день она принесла в офис пироги. С капустой и мясом. Вкусные. И потому наверно настроение её было замечательно хорошим. Однако угостились не все. Многие держали диету. Чтобы не разносило. Ибо униформа была за свой счёт. Мне же диета была ни к чему – от голода и нервного напряжения я таяла как Снегурочка у костра.

Немного погодя разразился крупный скандал. Из-за моей невнимательности. Одна из наутюженных сотрудниц кричала дурным голосом. Беспрестанно выпучивая глаза. И брызгая ядовитой слюной. В обычные дни она была тихой вьедливой мышью. Всё старалась вытянуть из меня детали жизни. Чтобы собрать компромат для начальства. И пытаться своим ограниченным умом, выучившемся в политехническом университете проектировать детали для тракторов, анализировать мою сложную натуру. Всё это делалось из страха конкуренции и нежелания делиться насиженными клиентами. Я же конкурента в ней не ощущала вовсе, что вызывало ещё большее раздражение. Боясь неизвестности и нервно скалясь, она задавала наво-

дящие вопросы. Я сыпала на неё путанными фактами. Где выдуманное переплеталось с совсем уж невероятным. Надо было хоть как-то себя отвлечь от мрачных мыслей.

Но однажды я дала маху. И эта особа, с именем – Света, забилась в ликующей истерике. Она давно спланировала травлю. И, забрызгав кабинет желчью, кинулась к начальнице. Вывалила мегере очень личные факты, полученные от меня накануне. В момент слабости. Предать их огласке было для Светланы особенным садистским удовольствием. У мужчин за такое принято бить сразу в морду. Женщины за это же обыкновенно впиваются в волосы. Но я была тихой гладью мёртвой реки. И никак не реагировала на потуги завистницы. Остальные коллеги буквально зависли в кабинете, где развернулось это некрасивое действо. С открытыми ртами. Их больше удивило поведение Светы, чем добытый ею компромат.

Меня же всё происходящее совершенно не трогало. После того как год назад отца закопали в землю. И я увидела ужас, испытанный им перед смертью. Тогда ни живая, ни мёртвая, шагала домой. После похорон. Оставляя свинцовые следы в асфальте. По дороге от кладбища. К опустевшей квартире. Где больше никогда не пронесётся по комнатам его весёлый смех. Поэтому-то я и не слышала визгов Светы. Потому что думала о папе. О том, что не смогу сегодня, придя домой, рассказать ему, как устала от идиотов.

Надежда, застывшая с куском пирога в руке, пускала лучи тепла из лунного лица в мои пустые глаза. И мы с ней поняли друг друга.

– Пьёшь успокоительное? – Просто спросила она. – Да?

Я молча кивнула.

– Ты не впитываешь, что они тебе говорят, да? Ты вообще ничего эти месяцы не впитываешь?

Это были слова сочувствия. К счастью, в этот день она увела меня из офиса. Поклеить объявления на досках у подъездов. Подышать свежим воздухом. Подальше от разъярённых горгулий.

А неделю спустя я и вовсе уволилась оттуда.

Рискованный шаг. В то время у меня не только не было денег. Был целый ворох долгов. После похорон и поминок. После поездки в горы, где так и не удалось зализать раны.

Вот что произошло на следующий день после нашей прогулки с Надеждой.

Утром меня застал врасплох острый приступ тревоги. Надо было что-то делать. Как-то прийти в норму. Взяла тётю Фиату – собаку, привезённую из поездки в Домбай. И бегом гулять по обычному маршруту. В парке и вокруг дома. Теперь даже странно говорить, что маршрут был обычным. Некоторое время после смерти отца, я буквально боялась выходить из двора дома, где жила. Казалось, что мир за его пределами был наполнен голодными чёрными дырами. Притаившимися возле арок. Вытягивающими по капле остатки жизнерадостности из опустошённой меня.

Пока мы шли до парка, тревога усилилась. К ней примешивались сразу два неприятных чувства. Опаздываю в проклятый офис. И что там ждёт после опоздания?

А в это время, на работе «точили ножи», не знающие сочувствия, коллеги. Слуги серости. Узницы рабочих кабинетов. Вечно напряжённые. Готовые сурово наказывать каждого, кто не вписался в расписание. И надел помятую белую блузку. К тому же, купленную за свой счёт. Такие плохие нервы у ещё совсем молодых девушек были по простой причине. Скупая работодательница считала неуважительное отношение к персоналу, жалкую зарплату, неоплачиваемую сверхурочную работу и покупку белых блузок за свой счёт, лучшим стимулом к мотивации. Неудивительно, что в коллективе буйствовала нездоровая конкуренция. И плесневела чёрная зависть. Идти туда не хотелось. Но деньги были нужны. Последние были потрачены на покупку белой блузки.

Измученная этими мыслями, я всё же не могла не заметить просыпающейся весенней природы. Город дышал радостью. Не люди, нет. Именно город. И парк. В котором в тот день, я так просто впервые ощутила счастье. Села на лавочку. И увидела жизнь. Вдруг озарило – свободна. От всего. От всех.

Цветы жадно ловили капли воды из распылителя. Тянули листья к солнцу. Поражённая, я смотрела на них. Как будто до этого не видела никогда. Каждая прожилка, каждый лепесток, оттенки цвета. Всё изумляло. Притягивало взор.

Удивительное тепло разливалось по телу. Умиротворение. Словно сбросила костюм водолаза. Сковывающий, заграждающий, отделяющий. Осознала мгновенно, насколько сильно была оторвана от реальности. От живой бурлящей жизни.

Спокойная и расслабленная, в компании жизнерадостной тёти Фиаты, возвратилась домой. Больше не чувствуя вину перед людьми в офисной униформе. Не волновало время. Я никуда не собиралась идти. И была самым счастливым человеком на свете. Без мыслей о проблемах. Впервые за последний год.

В дверь звонили несколько раз. Не открыла. Потом выяснилось, что это потрясённые коллеги приходили. Не в силах представить, что человек может просто не захотеть прийти на работу. Оставили записку в двери с содержанием: «Привет! Не можем до тебя дозвониться. Волнуемся и ждём на работе». Представился такой большой осьминог в гигантской белой блузке и оранжевых галстуках на щупальцах. Им было не суждено дожидаться меня в этот знаменательный день.

Вообще-то я не испытывала никогда чувства вины перед другими. Работающими в постоянных условиях стресса. Много и трудно. По субботам. И тёмными душевными вечерами. Бессмысленное прозябание за решёткой рабочего кабинета казалось абсурдным. Офис, пославший осьминога, находился на первом этаже. В съёмной квартире с зарешеченными окнами. С видом на зовущую весеннюю улицу. На которую ещё вчера, я сидела и смотрела беспомощно, из воротника белой блузки. И хотелось задушиться оранжевым галстуком.

К счастью, теперь это было позади.

Вечером в мой мир ворвался телефонный звонок. Бесшумно светился мобильный. Звонила приятельница из другого города.

– Сегодня была у гадалки, представь, у самой настоящей, без дураков! Гадает на таро! – Начала она взволнованным голосом. – И почему-то сразу захотелось позвонить тебе. Представляешь, выпала карта... Выпала вроде бы мне, но я-то думала в этот момент о тебе! «Петля». Так называется. Прямо твой случай!

Интересным было то, что за два дня до этого звонка, мне пришлось принять жизненно важное решение. Сделать роковой выбор. Так я чувствовала. А именно, совершенно неожиданно возник мужчина. Не просто мужчина. Любимый. После двухмесячной разлуки. Поссорились из-за пустяка. Но это лежало на поверхности. Истинные же причины были глубокими и не оставляли перспективы отношениям. Мы познакомились не так давно. Толком даже не успели узнать друг друга. И вот, два дня назад, после двух месяцев отсутствия, он вдруг появляется. В тексте смс – слова о любви. Вроде бы не может забыть. И даже любит. А дальше мой необъяснимый страх. И упорное нежелание встречаться.

– «Петля» – это когда жизнь поступает с тобой сурово и даже... гм... враждебно что ли. Такое происходит если ты совершила роковую ошибку. Свернула со своего пути. Оступилась. Тогда судьба прижимает со всех сторон. Ну как было не понять, что это про тебя?! Это знамение. И очень серьёзное! Тебе надо с ним помириться. Ты меня вообще слушаешь?

Я слушала, ещё как слушала. Росло любопытство. И страх тоже. На улице уже стемнело.

– Да, продолжай давай. – Хотя не уверена, что действительно хотела слышать это на ночь глядя.

– Понимаешь, «петля» – это как бы предупреждение. Только не пугайся, ради Бога!

Ха! Не пугайся. Все детские страхи мигом зашевелились под кроватью. Поджала ноги. Подмяла под себя одеяло поплотнее. И суетливым жестом потребовала на кровать беззаботную Фиату.

– Просто ты сейчас стоишь на перепутье. И самое важное – не ошибиться. Поняла?

– Ну... вроде.

– Тогда действуй! Если что – звони. Ой, у меня вторая линия! Всё! Целую! Пока!

– Пока.

Мда...

А за окном тихо и ничего, кроме разыгравшегося не в меру воображения. Моего. Показалось, что за шторой что-то сверкнуло и мелькнул зловеющий силуэт. Но только показалось.

Неудивительно. В такой-то день.

На всякий случай натянула одеяло по самую шею, сделала погромче телевизор. Задрожала от страха. Только под утро, наконец, уснула.

Иллюзия

День был тихим. Только залипла в интернете, как вдруг сильно захотелось выйти во двор. Подчинилась порыву. Через несколько минут сидела на лавочке.

По коже побежали мурашки – сейчас что-то произойдёт! Только успела подумать и повернуть голову, как из арки вынырнул давний знакомый. С которым не виделись несколько лет. К огромному удивлению, он шёл именно ко мне. Вполне целенаправленно. И это при том, что он жил в другой стране.

– Привет! – Он был само небо. Раскидистое и чистое.

– Привет! – Я нервно скривилась. Хотелось бы улыбнуться нормально. Но не вышло. Разучилась вести себя естественно.

– Ну, как дела? Работаешь?

– Угу. На Жанну Волковну.

– Смешно.

Похохотали. Обстановка немного разрядилась. Хотя левый глаз у меня всё ещё дёргался. И я боялась, что он заметит это.

– Вобщем, ты в рамках. – Рамки были не для него. Я знала это. И не для меня. Он тоже знал.

– И в белой блузке. С тёмным низом. – Напряжение понемногу уходило.

– Униформа?

– Ты ещё не видел оранжевый галстук.

– Мда... Хуже, чем в школе. – Он весь светился спокойствием. Я завидовала.

– В школе было лучше. Да... наверно. Хотя нет. Так же.

Мы снова рассмеялись. Наконец, отпустило. Тиски, сковывающие мышцы, разжались. Я сразу почувствовала, что дышу. И подумала, что до этого момента, моё дыхание забирал себе кто-то другой.

– Просто удивительно, что мы встретились! – Я и вправду была удивлена. На смену напряжению пришла пружинистая эйфория.

– Мы встретились, потому что твоя душа этого хотела.

Волна приятного возбуждения пробежала по позвоночнику – приключения!

– Ты правда так думаешь? – Он всегда был не от мира сего. Как и я.

– Да. У тебя есть вопросы. У меня есть ответы. Рассказывай.

– Да, что рассказывать...

– Всё. Как есть. Выкладывай.

– Ну... я вся в долгах. Отец умер. Дома страшно одной.

– Понятно. Страшно, говоришь?

– Не то слово.

– Ты же всегда была боевой девчонкой.

– Была. А теперь панические атаки.

– Это потому что у тебя голова набита всяким дерьмом.

– Мило.

– Не обижайся. Но ты в иллюзии. Всё вокруг – только кажется. Подумай над этим.

В этот момент я смотрела на наш дом. Мы сидели на лавочке во дворе. Что значит иллюзия? Что он хочет этим сказать? Здесь я выросла. Бегала в хлебный за рогаликами. На обратном пути объедала «жопку» горячего батона. Падала с деревьев. Плавала в бочке с мазутом. Вдыхала отвратительный запах карбида. Здесь мамин голос призрачным эхом ещё зовёт меня домой, где дымится тарелка с супом. Если только он не покрылся льдом, пока я играла с мальчишками в «чеканку». И стены дома. Местами облезлые. С жёлтой штукатуркой. И аварий-

ными балконами. Здесь каждое лицо знакомо с детства. А из окон доносятся вполне материальные запахи жареного лука. И всё это иллюзия? Ну уж нет. Дудки!

– Слушай, тебе легко говорить. А я любила отца. И маму. И это мой дом. Здесь всё настоящее!

– Это иллюзия, поверь. Как и твои страхи. Которыми питаются... сущности.

– Какие ещё сущности? – Я насторожилась. Засосало под ложечкой.

– Враждебные. Ты не бойся. Они тебя боятся сильнее. Но когда ты ночью трясешься под одеялом, липнут к тебе. И забирают твою «ци»¹.

«Ци»? Бред какой-то. Это им на обед? Или на ужин? И это уже совсем не жареный лук.

– Ты хочешь сказать...

– Что даже линии жизни на ладонях могут меняться. Если захочешь. Для тебя всё возможно. Ты в силах изменить всё. И сейчас клетка захлопнулась не случайно.

– В которой я?

– Да. Главное береги «ци». Не корми страхами всякую шваль. Прими иллюзию. И всё изменится.

– Ты говоришь, у меня голова набита дерьмом. Какая связь?

– Прямая. Управляй иллюзией. И получишь всё, что хочешь.

– Что угодно?

– Именно.

Он всегда был странным. Не похожим на других. Но такие откровения я слышала впервые.

– Как личная жизнь?

– Есть один человек. Правда, поссорились.

– Ну так помирись.

– С чего бы это? – Никак не ожидала. Мне надо мириться с человеком, которого он и не знает даже? Как впрочем и я. И почему именно «помирись», а не «помиритесь»?

– Мне пора. Самолёт. Был рад увидеться. – Он дружески похлопал меня по плечу. От чего оно чуть было не треснуло.

– Я тоже.

– Пока, бобик. Не давай хозяйку в обиду. – Он потрепал за ухом обиженную тётю Фиату.

– Это не бобик.

– Помирись. – Он сказал это с двойным нажимом. Да что за дела?! – Пока.

– Пока.

Ушёл. Солнышко пригревало. Я не торопилась домой. Разглядывала балкон и окно в части дома, противоположной моей. Кто интересно там живёт? Окно и балкон были шикарными. Лучшими в доме. Фешенебельными. Вспомнилась моя убогая квартира. С прогнившими трубами. Ободранными стенами. Жалкой кухней. И досужими соседями. Ну, хорошо. Если всё – иллюзия и ею можно управлять – буду пить чай на том красивом балконе.

Мда... Нехотя, поплелась домой.

Завтра придёт чудище из банка. Где отец перед смертью взял кредит. Который я унаследовала. А деньги потратила на похороны, поминки и поездку в горы. Чудище будет оценивать квартиру. Чтобы наложить обременение.

¹ Ци, иногда чи (кит. трад. 氣, упр. 气, пиньинь: qì; в японском варианте – ки яп. 気, иногда кэ; англ. qí или ch'ì) – одна из основных категорий китайской философии, фундаментальная для китайской культуры, в том числе и для традиционной китайской медицины. Чаще всего определяется как «пневма», «эфир», «воздух» (англ.) русск., «дыхание», «энергия» (англ.) русск., «жизненная сила» (англ.) русск. Ци выражает идею фундаментальной, континуальной, динамической, пространственно-временной, духовно-материальной и витально-энергетической субстанции, которая лежит в основе устройства Вселенной, где всё существует благодаря её видоизменениям и движению.

А сейчас я тоже буду жарить лук. Потому что другой еды нет. Макароны из старых запасов – Фиате. Самой мне оставалось питаться одними иллюзиями и жареным луком.

Трещина

«Давай я приеду, а? Не могу без тебя. Ну не будь злошкой. Люблю сильно-пресильно!». Он прислал смс. А я злошка. И не могу себя пересилить.

Просто сказать «помиришь». А если обидно?

Из-за какой-то ерунды вспыхнула ссора. Последовал разрыв. Длинною в два месяца. Я была ужасно расстроена. Искала поддержки.

Одна не самая близкая знакомая снабжала телефонными советами. Сама она была не особенно счастлива в браке. И назидала с удовольствием. Я набрала её номер.

– Инн, привет. – Ну вот зачем я ей позвонила?

– Рассказывай, что там у тебя опять случилось.

Чувствовала себя нашкодившей пятиклассницей.

– Представляешь, встретила одного знакомого. Сто лет не виделись. Он мне столько интересного рассказал! Насчёт энергии «ци». И иллюзорности окружающего...

– Слушай, к тебе прямо притягиваются психи! – Похоже, Инну задело за живое слово «он». Она вообще о мужчинах мнения была невысокого.

– Почему психи? Он был один.

– Да я имею в виду и того тоже. С которым ты, слава Богу, разошлась.

– А причём тут он? Хотя ты знаешь, этот давний знакомый посоветовал мне помириться с...

– ...психом. – Не дала закончить. – Я вообще последнее время думаю, что мужики – сперматозавры. В лучшем случае.

– Ну не знаю.

– Я тебе точно говорю. – Она неприятно причмокнула. – Вот скажи, зачем тебе вообще сейчас нужен мужик?

– Ну...

– Для здоровья. Это я понимаю.

– Да вообще, так просто. Поговорить. Побывать рядом.

– Это всё иллюзия.

Что, все так думают что ли?

– Почему?

– Да пойми ты, что это тебе одиноко! Вот ты и ищешь, с кем душу отвести. А ему-то другое надо. Сечёшь?

Я не секла.

– Но люди же влюбляются. Живут вместе. Разве нет? – Говоря это, я понимала, что Инна вряд ли большой романтик.

– Ой... Я тебя умоляю. У нас сейчас с мужем переспать, как зубы почистить.

– Грустно как-то.

– Да. Грустно. Но так оно и есть.

– Не у всех же. – Я не сдавалась. Такое ощущение, что подсознательно позвонила ей, чтобы проверить, чего у меня внутри больше – страхов или надежд.

– Ой, да ладно. Меня вот возьми. Любовь-морковь. Потом поженились. Дети родились. И всё.

– Хочешь сказать, дети разрушают любовь? – Это я уже слышала не впервые. Но каждый раз искренне удивлялась.

– Вобщем, да. И дети важнее.

– Чем любовь?

– Ну, конечно!

Меня передёрнуло. Странно, топили отлично. Но руки почему-то были как ледышки.

– Странно.

– А что странного?

– Не знаю. Может я всё ещё надеюсь. Что мой муж окажется хорошим.

– Все так думают.

– И ты так думала?

– Да. И я.

Мда... Всё плохо. В эту секунду мир показался очень неуютным местом. А жизнь серой. Лишённой красок.

– Слушай, ну это же не конец света. В конце концов, есть ты.

– А что я?

– Как это что? Как это что?! Ты сама себе должна быть нужна!

Не понятно было, о чём это она толкует.

– Ты что, вообще себя не ценишь?

– Не знаю.

– Слушай, точно. У тебя заниженная самооценка.

– Не думаю.

– Точно-точно. А что если ты вообще никогда не найдёшь свою настоящую любовь?

Не думала об этом?

– Не думала. Ни о чём. Кроме того, кто хотел со мной помириться. И холода, который всё больше проникал в тело.

– Как это не найду?

– Да вот так! Сколько одиноких людей. И что, всем теперь лечь умереть? У всех же по-разному жизнь складывается.

– И?

– Что «и»? Что ты будешь делать тогда?

Рисовалась страшная перспектива. Действительно пугающая. Жизнь без любви. Холод, хлестнувший по спине, вдруг выбросил из реальности. Что-то заставило обернуться. Отражение в окне. Было темно. Уже горел свет. Из отражения на меня хищно смотрела Инна. Глазами, полными ненависти. Я чуть не уронила телефон. Инна! Вместо меня?

– Алло? Ты здесь? Алё-о? Ты меня слышишь?

Отражение, как дьявольская марионетка, повторяло всё сказанное Инной. Слово в слово. Беззвучно.

– Да, я здесь. – Услышала свой напуганный голос. Почувствовала ещё больший холод.

– Что-то случилось? Что у тебя с голосом? Кто-то пришёл? Алло? Ты слышишь? Алё-о?

Я отключила телефон.

Однако изображение не исчезло. Инна в ярости двинула мобильным о стену. Через секунду всё, что попадалось ей под руку, отправлялось туда же – о стену. Всё это отражалось в окне. У меня на кухне. Вместо меня.

Набрала её номер. Силуэт метнулся к стене. Она схватила мобильный с пола. Сейчас я не видела её лица. Только спину и затылок. Звуков по-прежнему не было. Но в трубке голос звучал отчётливо. И очень живо.

– Алло? Прервалось, наверно. Ты меня слышишь? Алё-о? Юлия, ты здесь? Почему ты молчишь?

Как замороженная, я наблюдала за происходящим. Ощущение теперь уже потустороннего холода усилилось. Вдруг, Инна повернулась. Она смотрела мне прямо в глаза. В трубке послышалось рычание. Похожее на волчье. В отражении рот Инны криво усмехался. Как бы иллюстрируя чудовищные звуки.

Неожиданно она бросилась ко мне. С выпученными глазами. Полными сумасшествия. Злобы. Ненависти. Ударилась со всей дури о стекло. Оно дало трещину. Инна по ту сторону упала без чувств. В трубке снова послышались короткие гудки.

Я выключила телефон. Схватила собаку. Сумку. И бросилась прочь из дома.

Уже битый час я нарезала круги вокруг дома. В моих окнах было темно. Но лучше уж темнота. Чем то, что там было. Идти домой не решалась. Боялась даже просто подойти ближе. Что если окончательно сдадут нервы? А что если я – сумасшедшая и у меня съехала крыша от горя? Что тогда? Кто мог бы сказать, что в моей ситуации было лучше.

Позвонила Ляле. Подруге юности. Лучшей. Да и во взрослости тоже. Чтобы успокоиться. Поговорили о земном. Родном. Привычном. Я рассказала про случившееся. Про трещину в стекле. Ляля успокоила. Что это нервы. Распатались. Из-за всего. И трещины-то наверняка никакой нет. Вовсе это не сумасшествие. Просто надо отдохнуть.

– Вообще, чего ты там таскаешься вокруг? На ночь глядя. Это твоя квартира, в конце концов. Тебе там должно быть хорошо. – Я молчала на это. Понимая что не смогу объяснить всего. Ляля обнимала голосом. На душе теплело. – И девчонку собачью не покормила, небось? Выскочила, как ошпаренная?

– Нечем. Кормить.

Ляля вздохнула. Я знала, что ей и без меня хватает хлопот. А ещё, что она добрая.

– Так. Давай приходи.

– Неудобно.

– Приходи давай. Оливье сделаем. Девчонку твою накормим. Про профессора твоего поговорим. – Не знаю почему она называла его профессором. Он им не был. Но звучало забавно. И было приятно, что она всех называла моими. Тепло от этого становилось. И спокойно. – Так. Давай, жду. Всё.

Вдвоём с Фиатой бежали к Ляле. Вприпрыжку. Благо жила она совсем рядом. Два раза через дорогу. И мы у неё. Взлетели на третий этаж. В дверь высунулась сначала рука. Лялина. С деньгами.

– Чего это? – Мне и вправду было жутко неудобно.

– Так, давай сюда это чудо. – Радостная Фиата юркнула внутрь. – Так, пойдёшь вниз. Там в одном магазине сардельки возьмёшь. Для девчонки своей. В другом докторская есть хорошая. И горошек консервированный. Который в оранжевой такой банке. В белой не бери – дрянь. Майонез возьми. Картошка у нас есть, огурцы солёные есть... А! И яички.

– Ляль!

– Что «Ляль»?

– Ну неудобно же...

– Фу ты! Иди давай скорей. Жрать охота. А! И колы возьми. Большую.

– Я тебя обожаю, бабка! – Я заглянула ей прямо в глаза. – Яички. – Обе заржали. Как две лошади.

Бабками друг друга называли с юности. Так повелось. Прозвище «Ляля» как раз и пошло от некой бабы Ляли. Которую школьники на улице уронили. Потом подняли, конечно. Но было смешно. Тогда и прицепилось. И пошло. Поехало.

Я бежала вниз по Лялиной подъездной лестнице. Пролёт за пролётом. Оставляя страх позади. Как хорошо, что есть друзья!

Вернулась домой утром. В оконном стекле, навсегда, привычный мир расколола трещина. Через которую в душу прокрадывался нездешний, потусторонний холод.

Принятие перемен

Помирились.

Снова стали встречаться. С тем, с кем поссорились. Два месяца назад. Кого, оказывается, я любила больше всего на свете. И кто любил меня. Встречались часто.

Но ночевала я по-прежнему одна. Было тепло, пока мы были рядом. Но стоило ему выйти за дверь, как холод сковывал, оборачиваясь очередным приступом беспокойства.

Может показаться, что к этому можно привыкнуть. Нельзя. Каждый раз это мучительная пытка. Сначала пересыхает во рту. Хочется пить. Постоянно бегаешь в туалет. Потом сердце колотится так, будто ты – животное перед землетрясением. Волнами накатывает беспричинный страх. Но нет возможности осознания. И вот уже паника разрослась. Ты готов рвать на себе волосы. Кричать от страха перед чем-то, что неведомо. Что притаилось где-то в углах.

Тогда я брала Фиату. Иногда старалась идти спокойно. А иногда просто бегом бежала к Ляле. Там душа снова обретала покой. После плотного ужина. Доброго разговора. В тёплой уютной пижаме, я засыпала на Лялином удобном диване. На двух подушках. Окутанная вкусным запахом свежестиранного пододеяльника. Из открытого окна веяло весной и новыми надеждами. А сама Ляля мирно храпела рядом, на раскладушке.

Как будто снова дома. Где никто не умирал. Где бормочет телевизор. Где раздаются знакомые голоса. Пахнут свежими огурцами. Сыром. Колбасой. Хлебом. А в стакане с чаем гремит ложка, растворяя сахар и мои бесконечные тревоги.

Так жилось тогда. Когда почти год минул со смерти папы.

Большую часть времени я проводила, работая на прежнем месте. Куда вернулась. Где приняли с радостью. И рядом с любимым мужчиной. Мне повезло. Не было необходимости постоянно торчать в офисе. В любой момент можно было умчаться домой, закончив дела. Работа нравилась. Всё давалось легко. Коллектив был душевным. А голова ясной. С успокоительным было покончено. Я набирала собственную силу.

И мы мчались вдвоём на его скутере. Наслаждались покоем. Ветром в волосах. Свежестью. Дома, с ним, я забывала обо всём. Потому что всё исчезало. Это помогло снова полюбить комнату, где жил отец. Где он встретил своё последнее утро. Я заново училась в ней жить. Она постепенно наполнялась флюидами новой любви.

Странно только, почему он ни словом не обмолвился о трещине в оконном стекле? Может, не заметил?

В то время, борясь с паникой, я училась принимать ежедневные паузы одиночества. Или просто сбегала от них к Ляле. Двери которой всегда были для меня открыты. Болтали с её бабулей о Камчатке. О современных нравах. Смотрели глупые ток-шоу по телеку. И я успокаивалась. С Лялей строили планы на будущее. Решали, судьба это или опять двадцать пять.

Но случались и долгие ночи полного одиночества. В пустой квартире. С холодильником, греющим так, словно вот-вот лопнет его терпение. И он, хлопнув дверью, гордо удалится на помойку. Где, к слову, ему было самое место (прости, приятель, но ты давно отслужил своё). Я вынуждала себя мириться с этими ночами. Это было не просто. Паника, беспокойство и тревога – ночной Змей-Горыныч, снова поднимали безжалостные головы. И всё оказывалось бесполезным. Казалось, вот только накануне мы приехали ко мне. Любимый – самый тонкий психолог из всех, с кем приходилось иметь дело, успокаивал. Уверяя, что мой страх всего лишь безобидный пшик, существующий исключительно в пределах богатого воображения.

Потом я провожала его. Хорохорилась сколько могла. Не выдерживая, бросалась к скайпу. Там, терпеливый и любящий, он часами поддерживал связь. Пока мы оба не вырубались от усталости. И я хотя бы во сне забывала про ненавистную трещину. И приступы паники.

Требовались перемены. Я пока не понимала какие. Но точно знала, что они нужны.

У всего своя жизнь

Уже второй год, время тянулось для меня так же невыносимо медленно, как для преступника, приговорённого к казни, ожидающего своей участи. День начинался с пытки и ею же заканчивался. Поэтому когда выдавались спокойные часы, я ценила их так, как мог ценить только узник, обречённый на погибель, жадно вбирающий в себя каждую секунду, которая могла оказаться последней. Конечно, я надеялась. Но ежедневно проходила через ад панической атаки. Иногда не одной. Коварство, с каким подкрадывалась тревога, было таким выверенным и точным, что каждый новый приступ заставлял врасплох.

К тому же лодка хорошего настроения неизменно разбивалась о неустроенный быт. Я засыпала и просыпалась в ободранных стенах – одна. Грела тазики, кастрюли. Два чайника сразу. Чтобы искупаться. Водопроводные трубы проржавели. И забились настолько, что без напора колонка отказывалась нагревать воду. Всё время что-то ломалось. Старушка плита, старше меня по возрасту, ещё кряхтела. Но уже готовилась испустить последний вздох. Линолеум на полу лежал жалкими лохмотьями. Всё потому, что Фиата рвала его нещадно, пока выросла. Денег на ремонт, даже мелкий, не было. Часто не хватало на еду. Зато была куча долгов. Всё это приводило в жуткое уныние.

В голове то и дело мелькали лица периодических гостей. Которых я по дурости впускала иногда в своё убежище. Так и слышались фразы вроде: «так жить нельзя», «как ты могла так запуститься», «ты неправильно воспитываешь собаку». И остальное в том же духе. Мысленно я кричала громким голосом в ответ: «Собака ухоженная, искупанная, выгулянная, причёсанная. И добрая. Шампуня пока хватает, спасибо! И с вами может случиться. Тогда и будете сыпать советами!». Вот так, беззвучно, кричала я вслед, давно оглохшим ко мне, ушам. Но всё же храбрилась.

И тёрла, мыла, оттирала, отскребала. Устраивала маленькие перестановки. Родительская квартира была большой. Пытаться придать старому взлохмаченному линолеуму свежий вид было не самой лучшей идеей. На стенах зияли проплешины. Со всеми потрохами выдавая то незавидное положение, в котором оказалась хозяйка. В целом же, мой дом являл собой жалкое, неуютное и неприглядное зрелище. Хотя я искренне любила его. Но как и всякая любовь, за долгие годы, он вместил в себя много радости. И слишком много горя.

В один из ясных погожих дней, утром, подгоняемая паникой, я кинулась делать уборку. Начала с восьмиметровой закрытой летней лоджии. Обители забытых вещей. Хламовни. Но не посмела прикоснуться к артефактам, канувшей в вечность, семьи. Потому что то была память. Я боялась потерять её, утратить связь с родителями.

Пол был застелен паласом ещё в пору моего далёкого детства. И вот она я. В очередной безуспешной попытке освежить запустение. На четвереньках. Со стиснутыми от напряжения зубами. Как натуральная сумасшедшая. Тщусь отдраить неподдающуюся, не согласную подчиняться, рухлядь.

А за окном поют птицы. Слышны шаги проходящих мимо людей. Доносится беззаботный детский смех. Так почему же я, несчастный Дон-Кихот с тряпками в руках, провожу бесценное, ускользающее время жизни, сражаясь с бытовыми мельницами?

Хорошо помню, как начала вдруг реветь в три ручья. С соплями и воплями. Как плачут дети, с упоением. Нарывавшись всласть, выпустив часть боли наружу, заварила крепкий чай. И поняла, что не должна ничего одряхлевшему коврику. Он больше не враг мне.

Пила чай, сидя на лоджии, в развалах. Большие горячие глотки приятно жгли горло. В этот миг разрешилась главная загадка. Я всё гадала. Это то, что снаружи, вгоняет в тоску? Или, пожирающая изнутри, тоска создаёт то, что снаружи? Ответ был прост – снаружи то,

что внутри. А внутри себя я рьяно верила, что должна жить так, как живу. Тяжело. Трудно. Нести крест. Но какой? И, главное, чей? В конце концов, надоело думать. Откинулась в кресле. Перестала цепляться за мысли. Их смыло внезапным ливнем. Мерное постукивание дождя уносило всё дальше. Пока я не уснула крепким безмятежным сном.

Проснулась часов в восемь вечера. Дождь прекратился. Из окон приятно пахло свежесмытой зеленью. Сладко потянулась. Остатки чая вылились из перевернувшейся чашки. На ковёр. Но вот ведь странно, это ничуть не задело. Бытовой тетрис больше не вызывал беспокойства. Я приняла иллюзию. Решение было найдено.

Избавиться от лишнего. В большой квартире за много лет хлама накопилось предостаточно. Да и во мне самой утрамбовались миллионы отживших мыслей и поблекших воспоминаний. Начала с чудовищных завалов над кладовками. Которых четыре. И столько же антресолей. Поначалу взяло жуткое отчаяние. С таким объёмом не справиться и за месяц.

У мамы был менталитет дефицита, столь характерный для их поколения. Я тоже подхватила этот вирус, ведь мы из одной семьи. После её смерти, выкинула часть ненужного барахла. Но рука не поднималась на швейную машинку, на оверлок, на принадлежности для рукоделия. Старая отцовская палатка, коллекции значков, фильмы и музыка на многочисленных дисках. Всё напоминало о них. Перечислять можно бесконечно. То, что не смогла выкинуть сразу. Все эти вещи сопровождали долгую жизнь родителей. Было горько расставаться с ними. Но всё же набралась духу и оставила только самое ценное.

Сама я тоже успела пустить корни. Старые дневники, кассеты, фотоплёнки, одежда, бижутерия. Залежи. Каждый раз откладывание на потом. После дождика в четверг. Грустно так от всего этого делалось. Будто потихоньку плывёшь в дырявой лодке. Не хочешь ничего менять. Легче утонуть, чем спастись.

Но теперь у меня своя жизнь. И точка. У всего своя жизнь.

Иногда и вправду лучше обрубить корни. И оторваться от берега.

Ничего личного

Нет ничего личного во мне. Вот, что стало понятно во время разгребания домашних завалов. Вся я состояла из кого-то ещё.

Разбираю старые аудиодиски. Первое, что попадает на глаза – давно забытая зарубежная группа. Была у меня любовь в юности. Вторая. Или третья? Не столь важно. Вобщем это он привил симпатию к заунывщине. Но интересно же! Вставляю диск. Врубаю звук погромче. Побежали мурашки. От живота к сердцу. Волнами. Ничего себе! А всего-то диск включила. И что? Чувства к мужчине, которого лет пятнадцать как не видела? Да и не помню ничего особенного о нём. Нет. Это другое. Манящее. Будоражащее. И одновременно пугающее переживание. Ностальгия. Тоска по прошлому.

Всегда туда тянуло. В том, чего уже не вернуть, есть особенная прелесть. Нельзя ничего исправить. Всё как в тумане. Повисло. Застыло. И влечёт в себя чёрной воронкой. Летишь по коридорам памяти. Мимо проносятся открытые двери. Но на бешеной скорости, ни заглянуть толком, ни рассмотреть ничего не выходит. Сплошная мука. Депрессивная музыка оказалась на диске. А чужая депрессия мне ни к чему. На помойку.

Так-так, что тут ещё... Бог мой! Да тут целое скопище вселенской печали! Жалко. Страшно расставаться. С детством и юностью. Но решение избавиться от лишнего было твёрдым, нерушимым. Девяносто процентов дисков с гнетущей музыкой было отправлено в мешки для мусора.

Дальше фильмы. Оставила только самые хорошие. О любви. С хорошим посылом. И мульты. От остального избавилась. Кое-что даже продала. Чтобы поддержать жизнь в организме. Разжилась кое-какими деньгами. И пошла в классный итальянский ресторан поблизости.

Села за лучший столик. Стала изучать меню. Впала в смятение. И вдруг меня осенило! Ведь я никогда особенно не любила себя. Этим обычно и руководствовалась при выборе блюд. Вот и сейчас. Хотелось взять что-то попроще. Взгляд метался туда-сюда. По аппетитным страницам. Мозг лихорадочно решал. Или салат. Или горячее. И недорогое попить. Как вдруг кто-то во мне обнаружил это жалкое состояние. Кто-то очень уверенный в своих силах. Крепко стоящий на ногах.

Подожёл официант.

– Пасту с красной икрой. Морепродукты на гриле. Десерт дня. Прохладную минеральную воду. Молочный улун, большой чайник. – Произнесла без запинки, с лучезарной улыбкой. Наверно, даже зубы блеснули, как в рекламе жвачки по телеку. – Да. Принесите, пожалуйста, к чаю мёд. Благодарю.

Ого! Неужели я так умею?

– Чудесный выбор. – Прошелестел приятный и обходительный официант. – Горячее будет через пятнадцать минут.

Торопиться было некуда. Наслаждение жизнью оказалось весьма и весьма приятным занятием.

Сколько же жалких минут и часов было допущено мною за время сознательного существования на Земле?! Да и была ли я сознательной? На ком лежит ответственность за нелюбовь к себе? За неуважение? Это ещё только предстояло узнать.

А пока красные икринки игриво лопались на языке. Успокаивая желудок. Как это приятно всё-таки. Ни о чём не беспокоясь, не сверяясь нервно с ценами, принимать удовольствие. И не корить себя за это. Не сожалеть о прошлом. Не бояться будущего. Просто есть. Переваживать. Мечтать о тёплом одеяле. Любимом человеке рядом. Убаюкивающем постукивании

дождя. Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Кап-кап-кап-кап-кап... Сердце бьётся размеренно и спокойно. Никакой паники. Ничего лишнего.

Мне это понравилось.

Чем больше не моих вещей, кем-то навязанных или просто чужих выбрасывалось из дома, тем легче становилось дышать. Тем спокойнее были вечера. Всё больше хотелось подумать о том, чем заполнить образовавшуюся пустоту. Но сначала избавиться полностью.

Никого не хотелось обидеть, нет. Ничего личного. Просто это моя жизнь. И в ней должно быть место для меня. В первую очередь.

Никто ведь не обижается на это?

Жаба и её болото

«Главное, чтобы второе я не стало первым» – звучали отголоски тревожного сна в голове. Сквозь задёрнутые плотные шторы пробивалось назойливое солнце. Терпеть его не могу, раздражает ужасно.

Но звонит телефон. И я улыбаюсь, предчувствуя хорошее. Это он.

И вот уже шагаем вместе по улице. Погода стоит отличная. Солнышко ласково греет. Почему-то это уже приятно.

– Слушай, а почему у тебя всегда дома полумрак? Тебе не темно? – Вопрос застал врасплох. Пожимаю плечами, раздумывая, что ответить.

– Ну... нравится ощущение уюта. И как бы это сказать... домика что ли. Ну из тех, что строили в детстве. – Глупый ответ. Но ничего другого на ум не пришло.

– Странно получается. Строишь домик в собственном доме? – Его глаза смеются. Но тепло. По-доброму.

– Вроде того.

В магазине, куда мы зашли за едой, я успела трижды поругаться с единственным мужчиной в моей жизни. Ругалась именно я. Придумывая всё новые неубедительные поводы. Настроение портилось. Не знаю, откуда бралось терпение у него. По пути домой появились дополнительные вопросы.

– Ну скажи, почему всё-таки ты не любишь солнце? – Деваться было некуда. Он смотрел мне прямо в глаза.

– Да с чего ты это вообще взял?! – Попробовала возмутиться. Бесплезно. Он ждал правды. – Ну не люблю я солнце, да. Оно слишком ярко светит. От него жарко. Видна пыль на полу. Видно, в каком убожестве я живу. А занавесишь окна и не бросается так в глаза. Терпимо становится. Знаю-знаю, что мне не отмыть всего этого дерьма! Но хотя бы можно сделать его не таким заметным. И на ремонт денег нет. Как будто приговорили к этой квартире! – Я вдруг расплакалась.

Он обнял меня за плечи. Мы тихонько побрели в сторону дома. Пожарили картошку. Приправили горчичным маслом квашеную капусту. Нарезали колбасу и хлеб. Разложили всё по тарелкам. И с аппетитом уминали.

Ну что бы я без него делала?

Жалюзи на кухне были открыты. Чайный дымок струился в лучах закатного солнца, отражаясь в его зелёных глазах. Удивительно. Как он напоминает моего отца! Глаза горят как две фары.

– Не надо бояться. Всё плохое ушло. Всё позади. Тебе не нужно больше прятаться. Запомни: пункт номер один – ничего не бойся. Пункт номер два – ты не одна. Пункт номер три – я люблю тебя! – Он смотрел так открыто. С такой любовью. Что не поверить было нельзя.

– Спасибо, ты настоящий друг! Я тоже тебя люблю... Но почему так страшно? Почему всё это происходит со мной? Я устала от беспокойства. Устала бояться. – Комок подкатил к горлу.

Он задумался. А я наслаждалась теплом любимых рук. Новым чувством, что я – не одна. Оно дарило надежду, вкус которой был почти забыт.

– Представь, что у тебя внутри живёт жаба. Такая враждебная сущность.

– Где-то я это уже слышала... – А, ну да, конечно. В разговоре про иллюзию. Странно. Странно.

– ...враждебная тебе. И лезет наружу, когда ей хочется пожрать. – И про это что-то было. – Она заинтересована в определённых умственных состояниях. Твоих.

– В страхе?

– Не только. Ты боишься, расстраиваешься, грустишь, ждёшь плохого. И жаба кормится этим. Вылезает из болота. А потом, нажравшись, уползает обратно в нору. До следующей кормёжки.

– А других людей эта жаба тоже хочет сожрать?

– У каждого есть своя жаба. Но твоя – особенная.

– И почему же? – А он не так прост. Снова мурашки приключений! И ток по позвоночнику.

– Ну... Просто так чувствую.

Ну да. Как же.

– Знаю, тебе плохо. Но она – не ты. – Всё это показалось немного подозрительным. Однако его чуткость обезоруживала. Я была безнадежно влюблена. – И потом, ты теперь знаешь три пункта. И можешь бороться с жабой. Просто поверь в то, что ты – сильная. В тебе огромный потенциал. Ты ещё расправишь крылья. Откроешь свой дар. Тебя не зря такой создали.

– Создали?

– Да. Создали и готовили.

Создали? Создали и готовили?! Мурашки забегали по голове. Его глаза буквально сияли. Снова чувство, что вторгается нечто необъяснимое. Иного порядка. В обычную жизнь. Какой кураж! Какие перспективы! Никаких больше задёрнутых штор и тусклых ламп.

Проводила на остановку. И стремглав понеслась обратно. Домой. Паря над асфальтом. Шумно хлопая крыльями. Распугивая удивлённых соседей.

Прошлое закончилось

Предстояло разобраться, что же взять с собой в новую жизнь.

Было ясно, что беспокойство и тревога не уйдут сразу. Но теперь в арсенале есть три волшебных пункта – «ничего не бойся», «ты не одна» и «я люблю тебя». Кровь закипала по-особенному при мысли о нём. Было страшно. Но теперь я действовала несмотря на страх.

В то время под окнами дома, где я жила на первом этаже, велись работы по замене каких-то труб. Всё было перекопано, работала большая бригада.

Продолжая избавляться от ненужных вещей, было не просто таскать на помойку тяжеленные мешки с барахлом. Вдвойне не просто выслушивать укоры соседей. Они хорошо знали родителей. И, конечно, смакуя детали, нагнетали обстановку.

– Отец с матерью всю жизнь собирали. А ты выкидываешь. Совести нет. – До всего им есть дело.

– Да, собирали. Да, выкидываю. Разберусь сама.

– Много вас таких.

– И вас много. А надо мало.

– Умная?

– По горшкам дежурная.

Идите лесом.

Почему я решила заниматься таким неподъёмным делом одна? Тому было две причины. Во-первых, не хотелось подставлять под пристальные взгляды дворовых и подъездных судей дорогого человека. Во-вторых, только я сама могла без лишних сантиментов, мужественно расстаться со старыми вещами.

Насчёт мужества – лукавлю.

Был один день. Очень сложный. Пришлось таскать и днём, и вечером. А перед этим перебирать бумаги. Старые платёжки. Документы. Горыхлама. Ужас сколько и чего перевернула вверх дном. Мама научила уничтожать всякие письменные свидетельства жизни. Уничтожителя бумаги, к несчастью, под рукой не оказалось.

Сейчас жалею об одном. Что не попросила любимого отвезти всё в чистое поле. И сжечь к чертям! Боялась упустить время. Так измучилась, что жаждала освободиться немедленно. От воспоминаний. От боли. Рвала в клочья бесконечный бумажный ворох. Родительский почерк бережил незажившие раны. Но я крепилась. Надо было стереть память.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.